

Глава 1

Много-много лет назад жил на свете король, настоящее чудовище, который пожирал даже собственных детей...¹

*Сентябрь 1741 года
Лондон, Англия*

Нужно было постараться, чтобы вывести из себя Эву Динвуди.

В течение пяти лет ее жизнь была тихой и спокойной. Дом ее находился пусть и в немодном, но респектабельном районе города. Содержать его в порядке и вести хозяйство помогали слуги: Жан-Мари Пепин, по совместительству ее телохранитель, его прелестная пухленькая женушка Тесс, кухарка, и Руфь, рассеянная юная горничная. Еще у Эвы было любимое занятие: рисование миниатюр, которое давало некоторый дополнительный доход — деньги на булавки. У нее также имелся домашний питомец — белая голубка, которой еще предстояло придумать имя.

Сказать по правде, Эва была очень застенчива, поэтому редко покидала свой уютный дом, отдавая предпочтение спокойной жизни и любимым занятиям.

Нет, Эва могла, конечно, вытащить себя из болота своей тихой размеренной жизни, если для этого был весомый повод. И, видит бог, мистер Харт, владелец и управляющий «Хартс-Фолли», являлся весьма существенным раздражающим фактором. «Хартс-Фолли» — великолепный парк развлечений в Лондоне, или, по крайней мере, был таковым, пока год назад не сторел дотла. Теперь

¹ Сказка «Лев и голубка». См. и далее: там же.

мистер Харт пытался восстановить свое детище и тратил запредельные суммы.

Вот почему раним утром понедельника она стояла на третьем этаже пользовавшегося дурной репутацией пансиона и сверлила глазами закрытую дверь. Струйки дождевой воды стекали с полей ее шляпки на влажные половицы под ногами. Погода стояла отвратительная.

— Может, просто сломать эту дверь? — жизнерадостно предложил Жан-Мари — нехилый детина ростом более шести футов. Его черная как смоль физиономия в тусклом свете блестела под белоснежным париком. С юности, проведенной во французской Вест-Индии, у него сохранился легкий креольский акцент.

Эва расправила плечи.

— Нет, не стоит. Я справлюсь с мистером Хартом сама.

Жан-Мари сделал большие глаза.

Эва нахмурилась и решительно постучала в дверь.

— Мистер Харт, я знаю, что вы дома. Откройте, пожалуйста, дверь! Немедленно!

Ей пришлось повторить это еще дважды без результата, если, конечно, не считать результатом странный треск, раздавшийся изнутри после ее второй попытки.

Эва уже подняла было кулак, чтобы постучать еще раз, исполненная решимости во что бы то ни стало заставить мистера Харта поговорить с ней, как дверь наконец распахнулась.

Растерянно моргнув и непроизвольно отступив на пару шагов, Эва врезалась в широкую грудь Жана-Мари, потому что тот, кто возник в дверном проеме, показался ей, мягко говоря, устрашающим.

Не то чтобы его отличал высокий рост: Жан-Мари был куда выше, а если сравнивать с ней самой, то мистер Харт

превосходил ее максимум на полголовы, — однако этот недостаток с лихвой компенсировался шириной плеч. Стоя в дверном проеме, он полностью заполнял его собой. Его белая рубашка, вверху не до конца застегнутая, демонстрировала часть груди, поросшей курчавыми волосами. Буйная непокорная каштановая грива доходила до плеч. Его физиономия вовсе не была привлекательной, скорее наоборот: резкие черты лица, на котором застыло весьма агрессивное выражение, выдающийся вперед квадратный подбородок — само воплощение мужского начала.

То есть всего, чего Эва больше всего боялась.

Мужчина взглянул на Жана-Мари, прищурился, привалился плечом к дверному косяку и, только тогда обратив внимание на Эву, буркнул:

— Что надо?

Судя по чуть хриловатому голосу, он только что проснулся. Непристойная интимность!

Эва выпрямилась.

— Мистер Харт?

Вместо ответа мужчина широко зевнул и энергично потер ладонью лицо.

— Извини, милая, но у меня больше нет свободных ролей в пьесе. Возможно, если придешь через пару месяцев, когда мы будем ставить «Как вам это понравится», для тебя что-нибудь найдется. — Он сделал паузу и окинул Эву оценивающим взглядом — возмутительная наглость! — Роль служанки, к примеру.

Мужчина повернул голову и крикнул через плечо:

— В «Как вам это понравится» есть служанки?

— Есть пастушки, — ответили ему. Голос был женский и очень приятный.

Мистер Харт — если это он — снова взглянул на Эву, причем на его лице не отразилось ни капли сожаления.

— Вот так. Уж прости. Хотя, должен сказать, в твоём возрасте и со всем этим... — легонько щелкнул он Эву пальцем по носу, — я бы искал что-нибудь за сценой.

И он попытался захлопнуть дверь, но Эва решила, что с нее хватит: быстро выставила ногу, придержав дверь, втиснулась в узкую щель и пошла прямо на мистера Харта. К сожалению, тот даже не отпрянул, как это сделал бы любой нормальный мужчина, а только моргнул и нахмурился.

Оказавшись очень близко к нему, она увидела тонкие прожилки сосудов в его покрасневших глазах и почувствовала исходящий от него неприятный запах перегара. Кроме того, он, похоже, несколько дней не брился. И тем не менее это был мужчина в полном смысле этого слова. Его мужское начало ощущалась во всем.

Эва почувствовала приближение привычной паники и постаралась справиться с ней. Этот мужчина не был для нее угрозой — во всяком случае, не в этом смысле, — да и Жан-Мари, стоявший прямо у нее за спиной, не даст ее в обиду. В конце концов, она взрослая женщина, и давно пора бы уже преодолеть все свои страхи.

Она вздернула подбородок.

— Отойдите, пожалуйста.

— Послушай, милая, — рыкнул мужчина, — я не знаю, кто ты такая, но если считаешь, что так сможешь получить роль в моем парке развлечений, то...

— Я не актриса, — перебила его Эва громким голосом на случай, если у него не все в порядке со слухом: говорят, у пьяниц такое бывает. — А зовут меня мисс Эва Динвуди.

— Динвуди... — Его лицо нахмурилось еще сильнее, хотя непонятно почему: ее имя никак не могло вызвать у него негативных эмоций, но все-таки вызвало.

Эва воспользовалась его замешательством, проскользнула мимо него в комнату и остановилась в нерешительности.

Повсюду царил хаос. Среди старой разномастной мебели и другого хлама валялись бумаги и книги, явно соскользнувшие со столов и стульев. Повсюду лежали бесформенные груды какого-то тряпья. В одном углу возвышалась куча разноцветных тканей, которую венчала позолоченная корона. В другом углу к четырехфутовой модели корабля с мачтами и парусами был прислонен портрет бородатого мужчины в полный рост. Большое чучело ворона с острым неодобрением взирало на Эву с каминной полки, над огнем кипел чайник, и тут же рядом возвышалась горка грязных тарелок и чашек. Комната была настолько захламлена, что Эва не сразу разглядела голую женщину в постели.

Сама кровать стояла в центре комнаты: огромное (интересно, сколько людей может на ней поместиться?) сооружение, увешанное золотистыми и пурпурными занавесками, что вызывало ассоциацию с турецким гаремом, — и на ней возлежала одалиска, пышных форм которой не скрывало золотистое покрывало. Смуглая и чувственная, с черными волосами, пышной копной окутывавшими плечи, чуть приоткрытыми ярко-красными губками, которые манили, обещая неземное блаженство, она была чудо как хороша.

Эва не сразу поняла, что происходило в этой комнате, когда они явились, и, не удержавшись, метнула взгляд на мистера Харта, словно ожидая от него под-

тверждения... чего? Лицо мужчины по-прежнему ничего не выражало, кроме недовольства и крайнего раздражения.

Эва наклонила голову. Как же ему сказать, что...

Женщина села: покрывало немного съехало и, казалось, повисло, зацепившись за соски, — и с сильным итальянским акцентом поинтересовалась:

— Кто эти люди?

Мистер Харт скрестил руки на груди и немного расставил ноги — должно быть, для устойчивости. В этой позе особенно выделялись мускулы на его предплечьях.

— Понятия не имею, Виолетта.

— Прошу прощения, — сухо проговорила Эва, обращаясь к даме. — Если бы я знала, что вы не одеты, уверяю, ни за что не позволила бы себе...

Мистер Харт коротко хохотнул.

— Вы ворвались в комнату, даже не потрудившись узнать, удобно ли это: мало ли чем здесь заняты люди.

— Уверяю вас, — повторила Эва, в упор глядя на ужасного мужлана, который занимал почти все место в этой захлавленной комнате.

— Нет проблем, — заявила одалиска и улыбнулась, продемонстрировав так не вязавшуюся с ее обликом щель между двумя передними зубами, потом повела плечиками, и покрывало упало до талии.

Мистер Харт плотоядно уставился на женщину, явно не в силах отвести глаз от ее совершенной формы груди, потом встряхнулся и с неохотой перевел взгляд на неожиданную гостью.

— Так кто же вы такая?

— Я уже сказала, — скрипнула зубами Эва. — Меня зовут Эва Динвуди, и я...

— Динвуди! — воскликнул Харт и хлопнул себя ладонью по лбу. — Это фамилия управляющего герцога Монтгомери. Он именно так подписывает свои письма: «Э. Динвуди» — и, надо сказать, у него удивительно красивый почерк.

Он опять нахмурился.

Жан-Мари и одалиска вопросительно смотрели на него.

Эва ждала.

Наконец в зеленых, словно болотный мох, глазах мистера Харта мелькнуло озарение, и он воскликнул:

— Черт бы меня побрал!

— Полагаю, он так и сделает, — невесело усмехнулась Эва, — но прежде чем это случится, я должна вам сообщить, что ваше кредитование прекращается.

«Да, это неизбежный результат разгульной ночи и слишком большого количества выпивки», — с тоской размышлял Аса Мейкпис, известный всем, кроме немногих избранных, как мистер Харт. Во-первых, прошлой ночью его затуманенный выпивкой мозг решил, что провести время с Виолеттой, — прекрасная идея, ведь она достаточно важная составляющая парка развлечений, и ее надо прочнее привязать к нему. Во-вторых, последствия алкогольного угара — пульсирующие болью виски и общая слабость — поставили его в крайне невыгодное положение перед этой мегерой.

Он хмуро уставился на мисс Динвуди, стараясь сфокусировать взгляд. Для женщины она была довольно высокой, худощавой и плоскогрудой, на ничем не приметельном лице выделялся разве что длинный нос. Вся она была какой-то плоской, как лопата, и ее непривле-

кательность оказалась ему на руку, поскольку эта ведьма явилась, чтобы отнять у него все: мечты, кровь, жизнь, а еще долгие ночи без сна, сделки с дьяволом, отчаянные планы, надежды и славу, — то, ради чего он дышал, спаси господь его жалкую душонку, то, чего он жаждал, к чему отчаянно стремился, что терял и сбивал в кровь кулаки, чтобы обрести вновь.

Она вознамерилась отобрать у него парк.

Мужчина злобно оскалился.

— Вы не имеете права посягать на мой кредит.

— Уверяю вас, имею, — ответила нахалка с таким спокойным достоинством, что ей позавидовала бы даже королева.

— Герцог Монтгомери обещал мне полную кредитную линию, — заявил Аса, с размаху шлепнув ладонью по столу. — Мы открываемся меньше чем через месяц. Музыканты и танцоры вовсю репетируют, дюжина модисток работают день и ночь, чтобы успеть сшить костюмы. Вы не можете все это остановить, кем бы вы ни были!

— Герцог не давал вам права обирать его, — заявила Эва, выделив голосом слово «обирать». — Я отправляла вам множество писем с требованием предоставить бухгалтерские книги и чеки на покупки, но вы проигнорировали мои требования.

— Письма? — На лице мужчины отразилось недоумение. — У меня нет времени на чертову переписку. Я должен заниматься театром, садами, певцами, тенорами, сопрано — и даже, да поможет мне бог, кастратами, — мимами и музыкантами. Их необходимо собрать, организовать и заставить работать. Кем вы, черт возьми, меня считаете: жеманным аристократом?

— Я считаю вас бизнесменом, — ответствовала эта... мисс Динвуди. — А бизнесмен должен четко знать свои доходы и расходы.

— Все мои расходы на виду! — возмутился Аса. — В зданиях и деревьях, в людях, которые там трудятся. Кто вы такая, черт возьми, чтобы требовать от меня отчета? — Он со всем презрением, на которое был способен, оглядел ее с ног до головы. — Почему герцог использует в качестве управляющего женщину? Кем вы ему приходитеесь? Любовницей? В таком случае у него плохой вкус.

Виолетта за его спиной с шумом втянула воздух, а ладоней Эвы грозно нахмурился.

Глаза мисс Динвуди стали круглыми, как блюдца, и Аса вдруг заметил, что они светло-синие, даже скорее голубые, как летнее безоблачное небо, и неожиданно пожалел о своей грубости... ну или почти пожалел.

— Я сестра герцога, — заявила нахалка с тем же спокойным достоинством.

Аса ей ни на секунду не поверил. Она назвалась «мисс Динвуди». Сестра герцога представилась бы иначе: «леди Эва».

Ее губы сжались в тонкую ниточку, но лишь на мгновение.

— Сводная.

Теперь понятно: незаконнорожденный отпрыск высородного папаша.

— И ваша голубая кровь делает вас достаточно квалифицированной, чтобы управлять финансами парка?

— Ну если брат доверил мне это дело, значит, достаточно. — Она глубоко вздохнула и расправила плечи, выставив вперед несуществующую грудь. — Но все это в данный момент вас не касается. Ваш кредит прекра-

щается с этого самого момента. Мистер Шервуд из Королевского театра предложил выкупить долю моего брата в «Хартс-Фолли», и, имейте в виду, я всерьез рассматриваю его предложение, поскольку мне представляется, что это единственный способ вернуть деньги брата. Я просто оказала вам любезность: заехала по пути, чтобы предупредить вас лично.

С высоко поднятой головой она выплыла из комнаты — ну чем не принцесса крови? А ее громила лакей окинул Асу мрачным взглядом и последовал за хозяйкой.

«Любезность?» Аса ошеломленно повторил мысленно это слово, обращаясь к закрытой двери. «И эта женщина еще смеет говорить о любезности?» Он повернулся к Виолетте.

— Проклятье! Она хочет продать парк Шервуду, моему злейшему противнику! Она верит ему, хотя он несет несусветную чушь! Ему неоткуда взять деньги, чтобы выкупить долю Монтгомери. Черт побери! Ты когда-нибудь видела такую неразумную женщину?

Сопрано пожала плечами, качнув самыми красивыми в Лондоне грудями, хотя в данный момент это не имело значения.

— Вряд ли это больше всего волнует тебя сейчас, не так ли?

— Что ты имеешь в виду? — Аса нахмурился и тряхнул головой, не в состоянии в такую рань разгадывать загадки.

Виолетта вздохнула.

— Аса, дорогой...

— Замолчи! — Он покосился на дверь. — Ты же знаешь: никто не должен слышать это имя.

— Не думаю, что мисс Динвуди и ее лакей сейчас подслушивают под дверью. — Она закатила глаза. — Мистер

Харт, вам нужны деньги, о которых говорила эта женщина?

— Конечно!

Виолетта скорчила гримасу, недовольная таким взрывом эмоций.

— Тогда тебе придется приударить за ней.

— Ты шутишь? Да она вовсе не женщина: резкая, прямолинейная, высоченная как жердь и к тому же плохая... — он поискал глазами предмет, подходящий для сравнения, и нашел, — ...как дверь.

Виолетта улыбнулась:

— А ты действительно считаешь, что если стоять здесь, рычать и размахивать руками, что-то можно изменить? — Она пожала красивыми плечами. — Мисс Динвуди держит в руках завязки твоего кошелька. Я уйду, так же как и все те, кто сейчас работает в твоём красивом парке. Я люблю тебя, дорогой, и ты это знаешь, но мне необходимо есть, пить и красиво одеваться. Беги за ней, если хочешь спасти свой парк.

— Проклятье! — выругался Мейкпис, хотя и понимал, что она права.

— Да, и еще, Аса, моя любовь.

— Что? — рыкнул он, уже собираясь уйти.

— Будь услужлив.

Он возмущенно фыркнул и побежал вниз по шатким ступенькам пансиона. Виолетта никогда не ошибалась. Если она сказала, что он должен пресмыкаться перед этой ведьмой, дабы получить деньги, он будет это делать, даже если его хватит удар.

Аса распахнул дверь и выбежал на улицу. Небо было затянуто серыми тучами, моросил дождь. Мисс Динвуди и ее громила лакей неспешно шли к поджидавшему их экипажу.